

Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV—XVI в.

В.В. Пенской

Сегодня уже не вызывает сомнения та значительная роль, которую сыграли служилые люди в строительстве Московского государства. Однако, как замечала И.Б. Михайлова, «эти слои населения изучены в меньшей степени, чем знать, крестьяне, купечество и рядовые горожане...»¹. Чем это обусловлено? В советской историографии традиционно основное внимание обращалось на исследование социально-экономического развития русского общества, классовой и политической борьбы. В центре внимания оказывались те слои московского общества, непосредственно задействованные в этих процессах — крестьянство, боярство, посадские люди, клир. Служилым людям «по отечеству» уделялось не в пример меньше внимание, и то преимущественно в аспекте изучения особенностей их взаимоотношений с «тяглецами» и характера их землевладения. Такое смещение акцентов обуславливалось как господствовавшим на протяжении большей части минувшего столетия в отечественной исторической мысли формационным подходом к изучению исторических процессов, так и состоянием источниковой базы. Не секрет, что корпус документов XV—XVI вв. понес тяжелейшие потери. «Печально, — отмечал А.В. Антонов, — но приходится признать, что в нашем распоряжении не более десятой доли процента от некогда существовавшего документального комплекса частных феодальных архивов XV — начала XVII в.»². В результате исследование особенностей становления и развития этого социального слоя московского общества оказалось затруднено. Это также способствовало тому, что долгое время данная проблема не вызывала большого интереса у отечественных историков. Ситуация стала исправляться лишь в последние годы, когда появились интересные и оригинальные работы, связанные с изучением служилых людей Московского государства³. Однако можно с уверенностью сказать, что историческая наука в этой области сделала лишь свои первые шаги.

Среди прочих вопросов, возникающих при близком соприкосновении с проблемой, одним из важнейших является анализ особенностей «службы» дворян и детей боярских, в особенности их «конности, людности и оружно-

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного университета.

сти». Пожалуй, здесь как нельзя более применимы слова И.Б. Михайловой, писавшей, что «...чаще высказывания о детях боярских постулируются общими посылками или устоявшимися клише и слабо аргументируются...»⁴. Примером может служить статья А.С. Солоусова⁵. Причина этого очевидна — она заключается прежде всего в неудовлетворительном состоянии источниковой базы. Для XVII в. материалов сохранилось не в пример больше, потому изучение «конности, людности и оружности» московских дворян и детей боярских XVII в. продвинулось значительно дальше⁶, чего нельзя сказать о XVI в., особенно его первой половине⁷. Самая ранняя сохранившаяся десятня (каширская) датируется 1556 г., к тому же времени относится и «Боярская книга»⁸, вобравшая сведения о характере службы и жаловании служилых людей. Однако подобные материалы применительно к XVI в. можно пересчитать буквально по пальцам, а поиски новых аналогичных документов пока не дали результатов. Учитывая же крайне неудовлетворительную сохранность московских архивов XVI в., вряд ли можно надеяться на то, что они будут обнаружены в будущем. Тем большую важность приобретают акты, материалы, в которых содержится информация о характере «службы» дворян и детей боярских в XVI веке.

Большой интерес в этом отношении представляют духовные грамоты московских служилых людей, особенно конца XV — 60-х гг. XVI века. В.Ф. Андреев, давая им определение, отмечал, что «...духовные — это частные акты, которые в письменной форме фиксируют завещательные распоряжения»⁹. Нельзя сказать, что духовные грамоты как ценный исторический источник не привлекали внимания отечественных исследователей. Однако интерес к этим документам в разное время носил односторонний характер. Дореволюционные историки, занимаясь духовными, изучали их «юридическую конструкцию»¹⁰. В советское время внимание к духовным носило социально-экономический уклон¹¹. Не слишком изменилась ситуация и сегодня. К примеру, В.Д. Назаров, анализируя духовную князя И.В. Ромодановского, указывал, что она «...представляет исключительный интерес во многих отношениях...», однако исследователь ограничился лишь анализом земельных владений и имущественного положения. Несколько иной, в определенной степени историко-антропологический подход, демонстрирует анализ духовной грамоты Тимофея Бусурменова, подготовленный О.Е. Кошелевой, а Г.В. Семенченко подверг изучению особенности развития формуляра духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси¹². Однако ни в том, ни в другом, ни тем более в третьем случае интересующий нас аспект не был затронут. В последних по времени исследованиях о «конности, людности и оружности» московских дворян и детей боярских XVI — начала XVII века данные духовных грамот к разработке проблемы также не привлекаются¹³. Таким образом, до сих пор духовные грамоты московских служилых людей конца XV—XVI в. практически не использовались как источник по изучению «конности, людности и оружности» последних¹⁴.

Конечно, привлекая к изучению «службы» детей боярских данные духовных грамот, неизбежно возникает вопрос о репрезентативности этого рода источников. К сожалению, приходится признать, что до нас дошло крайне мало как подлинных, так и скопированных позднее духовных конца XV—XVI вв. Это может создать впечатление о неприменимости их для изучения интересующей нас проблемы. Однако, с одной стороны, материалов о «службе» московских дворян и детей боярских конца XV—XVI вв. сохранилось немного, поэтому любое расширение источниковой базы исследований должно только приветствоваться. С другой стороны, как отмечал В.Б. Кобрин, «...репрезентативность источников существует не сама по себе, а лишь отно-

сительно к целям исследования. Сохранившиеся источники могут оказаться достаточно представительными для решения одной группы вопросов и недостаточно репрезентативными — для другой»¹⁵. Ввиду немногочисленности и специфичности духовных, они не могут быть использоваться сами по себе, изолированно от других источников. Но при комплексном подходе сведения, сообщаемые ими, будут чрезвычайно полезны.

В процессе подготовки статьи нами были использованы 64 духовные конца XV — начала 80-х гг. XVI в., опубликованные в различных изданиях второй половины минувшего и в начале нынешнего столетия. Большинство из них происходит из монастырских архивов. Значительная часть духовных представлена подлинниками, однако основная масса дошла до наших дней в копиях XVII века. Завещания из светских архивов представлены единичными экземплярами. Авторами духовных были как представители аристократии, так и служилые люди средней руки и совсем небогатые дети боярские, владевшие вотчинами и испомещенные преимущественно в центральных, «коренных» уездах Московского государства с достаточно развитым вотчинным и поместным землевладением. Готовясь предстать пред Создателем или «идучи на великого князя службу», князья, бояре, дворяне и дети боярские приводили свои дела в порядок, расписывая, «...что ми кому дати и на ком ми что взяти...»¹⁶. Подробнейшие росписи принадлежавших им «животов» содержат ценнейшую информацию не только об уровне жизни детей боярских и дворян, но также и о характере их службы.

Для начала рассмотрим «конность» служилых людей¹⁷. М.В. Воробьев, касаясь этого аспекта службы при первых Романовых, отмечал, что «...источники различают среди них (лошадей служилых людей. — П.В.) шесть типов: конь добрый, конь, мерин добрый, мерин, меринчик и меринец. В основе такого деления, помимо холостенности, обеспечивавшей более спокойный нрав лошади, лежали, по-видимому, различия (по нисходящей линии) перечисленных типов по основным боевым качествам: резвости, выносливости и выучности...»¹⁸. Материалы духовных XVI в. подтверждают предложенную исследователем классификацию принадлежавших дворянам и детям боярским лошадей. Чаще всего в грамотах встречаются «кони», затем идут «мерины», реже — «меринцы» и «жеребчины», совсем редко — «аргамаки», «лошади» и «кобылы».

Стоимость упомянутых в духовных лошадей также в целом подтверждает наблюдения Воробьева. Самый лучший, «княжеский», и вместе с тем редкий конь, аргамак, оценивался в 15 руб. Богатый сын боярский мог позволить себе коня ценой в 7, 8 или даже 10 руб., но, как правило, обычный конь стоил от 3 до 6, чаще 4—5 руб. Редко когда его стоимость падала до 1,5—2 руб. Менее «качественный» мерин оценивался, как правило, дешевле — от 1 руб. или даже менее (в начале века) до 3 руб. (в середине столетия), средняя же его цена составляла 2—3 руб. Но и здесь могли быть исключения — «княжеский» мерин мог стоить 7, 8 и даже 15 руб. Меринец обходился в 1,5—2 руб., лошадь (упоминаются лошади «волоские» и «татарские») — также в 1,5 руб. (но и здесь были свои исключения. Так, в завещании князя Ю.А. Оболенского упоминается татарская «лошадка»-«проиноход» ценой в 5 руб., а кобыла — в 0,5 руб.¹⁹

Разнились не только цены на лошадей, но их количество, принадлежавшее тому или иному служилому человеку. Так, в датируемой началом 40-х гг. XVI в. духовной грамоте Дмитрия Белеутова среди лошадей, что должны быть переданы его душеприказчиками указанным в завещании лицам, названы 6 коней, 5 мерин, 3 меринца и 1 лошадь. Сам же завещатель хотел вернуть 2 коней, 6 мерин и 1 меринца. Василий Узкий Петров сын Есипов

завещал своей жене 7 коней, 2 мерина и 8 жеребят, другим же служилым людям — аргамака и 6 коней. Ему же должны были вернуть 3 коня, 2 мерина и меринца²⁰.

Естественно, что самых дорогих лошадей и самые большие их табуны могли позволить себе содержать те служилые люди, кто обладал относительно крупными земельными владениями. Так, в вотчине Василия Есипова селе Ярополчь (с деревнями), отошедшей к Иосифо-Волоцкому монастырю, в 1562 г. было 67 крестьянских дворов и 664 дес. пашни. Григорий Русинов в своей духовной перечисляет как находящихся с ним на службе, так и в его хозяйстве 3 коня, 12 мерин, 3 жеребчины и 1 меринец. Его же вотчина с. Берлюково (также с деревнями), отошедшая по духовной к Троице-Сергиеву монастырю, в 1594 г. насчитывала 234 двора²¹. Менее зажиточные служилые люди, такие, как Кузьма Лапшин или Данило Мордвинов, имели, естественно, и табуны поменьше размером, и коней ценой и качеством похуже²².

Не меньший интерес представляют и называемые в духовных предметы «конского наряда». Обычно, описывая его, прибегают к свидетельствам иностранцев, чаще всего к ставшему классическим описанию имперского посланника С. Герберштейна²³. В целом наблюдения Герберштейна и других иностранцев относительно восточного характера русского «конского наряда» подтверждается материалами духовных. Среди его предметов чаще всего называются достаточно однотипные седла «бархатные и сафьянные» и иные, различаемые по месту изготовления — «нагайские», «ординские», «крымские», «колмацкие» и «турские»²⁴. Вместе с тем в завещании Григория Русинова упоминаются «седло плоские луки» и «лятцкое» — явно иного происхождения и конструкции²⁵. Упоминание последнего седла представляет особый интерес, так как в Польше и Литве лучный конный бой отнюдь не доминировал, как в Московии, и местные всадники предпочитали сражаться, используя холодное и древковое оружие ближнего боя²⁶. Следовательно, можно предположить, что некоторые русские всадники 1-й трети XVI в. могли сражаться не только «лучным боем», но и «копейным».

Стоит отметить, что, как и кони, богато украшенные элементы «конского прибора» нередко выступали как средство подчеркивания высокого социального статуса их владельца. Например, в 1558 г., «идучи на службу царя и государя великого князя в немцы», Степан Обоуров завещал своей дочери Марии «...аргамак бур с седлом турским, а на седле аксамит да узда залочена у ней, лысина жемчугом низана, да конь бур с седлом, а на седле бархат з золотом червчет, да узда залочена...»²⁷. Естественно, что такие импортные седла «з бархатом и с морхи» стоили не в пример дороже, чем обычное «седло крымское, черно совсем», «седло езжана софьяная» или его аналог московской работы, упоминаемые в духовных грамотах²⁸. Так, отмеченные в духовной Тимофея Бусурменова «конь бур да седло колмацкое софьянно» стоили 8 руб. — то есть при обычной цене на строевого коня в это время 4—5 руб. седло стоило около 3 руб. Между тем сделанное московским мастером седло стоило 17 алтын, а обычное «ногайское» седло, о котором говорится в духовной Кузьмы Лапшина, 1 рубль²⁹.

От «конности» московских служилых людей перейдем к их «людности». Одним из первых, кто попытался привлечь духовные грамоты для изучения ее характера, был археолог и историк С.З. Чернов. Исследуя особенности развития служилого землевладения Волока Ламского, он обратил внимание на завещание Василия Узкого Петрова сына Есипова (грамота датируется незадолго до 1528 г.)³⁰. По мнению историка, упоминаемые в духовной грамоте Есипова «...пять пансырев; да три бехтерци; да трои наколенки, да шестеры наручи, да кольчюга; да шесть шеломов; да трои боторлыки...» явля-

лись полными комплектами доспехов для шестерых всадников — самого вотиинника и выставляемых им пяти конных воинов-послужильцев³¹.

Предположение Чернова было подвергнуто критике со стороны И.Б. Михайловой³². На первый взгляд, нельзя отказать последней в логичности доводов «против» предположения Чернова. Однако, на наш взгляд, это не так. На это есть ряд причин. Во-первых, доспехи и оружие вообще в силу их большой ценности являлись неплохим «вложением капитала» и потому, естественно, их хозяин старался передать его по наследству своим детям. Однако по той же самой причине держать у себя дома несколько полных комплектов доспехов, не используя их в деле, неразумно, учитывая относительную бедность рядового сына боярского того времени. Да и с чего бы ему быть зажиточным и тем более богатым, если непрочным был сам фундамент их службы — крестьянское хозяйство³³.

Во-вторых, почему владелец доспехов и оружия должен был их обязательно отдавать своим людям? Они получали его, пока служили своему господину, а после его смерти «контракт» разрывался, и доспехи возвращались к их владельцу, ну а сами послужильцы получали свободу и могли искать нового хозяина. Как писал в своей духовной грамоте князь Ю.А. Оболенский: «А что моих людей служивых и деревенских и дворовых, ... старинных и не старинных, по всем крепостем, и те мои люди все на свободу, земля им на четыре части; люди они вольные, кому хотят, тому служат...»³⁴. Другое дело, если господин жаловал своих слуг конем, оружием и доспехом, но в таком случае пожалование специально оговаривалось в завещании, как, например, это сделал Оболенский: «А что у тех у всех людей моих их собины, моего жалованья, коней и платья и доспеху и всякие рухляди служебные и неслужебные, и то все моим людям у кого что есть моего жалованья. А жена моя и дочь моя в то во все у них не вступаютца...»³⁵.

Наконец, в пользу версии, выдвинутой Черновым, можно привести поддержку из духовной грамоты князя А.Ф. Голенина, который писал: «А которых есми людей своих отпустил на слободу, ино у них мои пансыри и шеломы, — и жена моя те пансыри и шеломы поемлет...»³⁶. Таким образом, из текстов завещаний следует, что служилый человек снабжал своих людей доспехами, конями и всем необходимым для несения службы, и все это они были обязаны вернуть его вдове или наследникам после смерти господина, если он не оговаривал в завещании обратное.

Поэтому можно согласиться в целом с высказанным Черновым предположением и считать, что в принципе число полнокомплектных доспехов приблизительно соответствовало числу послужильцев, выставляемых служилым человеком если не в дальний поход, то на царский смотр. И тогда получается, что когда Г.Д. Русинов в 1521 г. отсылал домой со своим племянником и своим человеком «коробью с доспехом», а в той коробье «пять пансыров, да пять шеломов, да наручи шамахийские, да трои наручи московские, да наколенки»³⁷, то речь шла о пяти комплектах доспехов, которые были на его людях, а теперь стали не нужны.

Для сравнения обратимся к «обидным» спискам начала 60-х гг. XVI века. В них, в частности, отмечено, что у 4-х детей боярских дорогобужан литовские «воры» убили 4-х их людей, а еще 4-х взяли полон, у двух других детей боярских взяли 3-х их людей, у одного сына боярского убили человека, а другого ограбили, а двоих взяли в полон, а у второго сына боярского взяли двух его людей³⁸. Выходит, что в середине 60-х гг. XVI в. сын боярский средней руки выступал в поход, как правило, в сопровождении не меньше, чем двух своих людей, а то и больше. Учитывая же, что дети боярские к тому времени существенно «измельчали» по сравнению с началом века (Чернов

наглядно это демонстрирует, сравнивая динамику изменений размеров владений детей боярских в Волоке Ламском на протяжении XV — начала XVI в.³⁹), то цифра в 3, 4, 5 или даже более послужильцев, окружавших детей боярских в конце XV — первой трети XVI в., вовсе не представляется невозможной.

И, наконец, об «оружности». Изучение этого аспекта «службы» московских дворян и детей боярских применительно ко второй половине XVI в. и особенно к XVII в., то есть к тому периоду, от которого сохранились материалы «разборов» служилых людей, продвинулось значительно дальше, чем если взять более ранние времена. И снова, как и в случае с «конностью», для описания «оружности» обычно прибегают к использованию свидетельств иностранцев — того же Герберштейна⁴⁰. Материалы же духовных грамот позволяют внести определенные коррективы и уточнения в описание Герберштейна и материалы десяти.

Лучше всего отражена в завещаниях служилых людей их «сбруйность». Перечень доспехов, встречающихся в духовных, весьма разнообразен и включает в себя пансыри, юшманы (юмшаны), бехтерцы, зеркала, кольчуги и тегиляи, защитные наголовья — шеломы и шапки (железные и «мисюрские»), защиту для рук (наручи) и ног (бутурлыки и «наколенки»). Самым распространенным видом доспеха, если судить по текстам, был пансырь. В просмотренных нами духовных грамотах конца XV — начала 80-х гг. XVI в. упоминания о пансырях встречаются 15 раз, тогда как бехтерцы названы 5 раз, 4 раза — юшманы и по 2 раза — зеркала и кольчуги. Мягкий, стеганный доспех, тегиляй, встречается 9 раз. Защитные наголовья упоминаются 18 раз — в 15 случаях речь идет о шеломах, а в 3 случаях — о шапках (железных, мисюрских и «саженных»). Наручи встречаются 6 раз, наколенники 5 и бутурлыки — всего 2 раза. Конечно, выборку нельзя назвать абсолютно репрезентативной, однако определенная закономерность, на наш взгляд, все же прослеживается. «Стандартный» комплект доспехов для московского всадника в это время включал, судя по всему, пансырь или бехтерец, в отдельных случаях заменяемый тегиляем, и защитное наголовье-шелом⁴¹. Тегиляи в зависимости от материала сильно различались по цене (в духовных упоминаются тегиляи «киндячные», «отласные», «бархатные з золотом», «камчатые», «мухоярные», «безенные») и, следовательно, самые дорогие использовались богатыми дворянами и детьми боярскими (как дополнение к пансырю или иному металлическому доспеху⁴²). Те тегиляи, что были попроще и подешевле, носили бедные дети боярские и послужильцы. Защита рук и ног встречалась, как правило, лишь у самых зажиточных дворян и детей боярских и аристократов. Они же для усиления защиты использовали и зеркала.

Примечательно, что среди элементов доспеха наряду с пансырями, шеломами, зеркалами и наручами «московскими» часто встречаются ввезенные из-за рубежа. Причем если в первой половине XVI в. чаще всего встречаются доспехи «шамахайские» (то есть изготовленные иранскими мастерами шеломы, юшманы, бехтерцы, наколенники и наручи)⁴³, то во второй половине столетия появляются и западноевропейские. «Немецкие» и «меделянские» пансыри несколько раз упоминаются в духовных грамотах 60-х гг. XVI века. Трижды, причем в духовных знати, встречаются упоминания о «турских» щитах, которые явно выступали как средство подчеркнуть высокий социальный и служебный статус его владельца.

В духовных грамотах приводятся также и данные о ценах на элементы доспехов. Шеломы могли стоить от 20 алтын до 5 (московской работы с серебряной отделкой) или 6 руб., пансырь — от 10 алтын или 4 гривен до 2 или же более руб. (3 «немецких» пансыря были оценены их владельцем в 15 руб., упоминается пансырь стоимостью в 7 руб.). Богато отделанные

импортные комплекты доспехов могли стоить намного дороже. Так, в завещании Оболенского упоминается черкасский шелом и «шамахейский» юмшан общей стоимостью 50 руб., а сын боярский Семен Степанов заложил принадлежавшие ему «шапку сажену да пансырь», также очевидно ввезенные из-за границы, за 15 руб. Упомянутый князем С.М. Мезецким в завещании комплект из «пансыря немецкого, шолома шамахейского, да наручей, да наколонок, да батарлыков, навоженных золотом да серебром», стоил 10 руб. Стоимость кольчуги, упомянутой в духовной Афанасия Шадрина, составляла 70 алтын⁴⁴.

Меньше сведений имеется в завещаниях относительно «оружности». Чаще всего упоминаются сабли — обычно «черькаские» и «турские», иногда «булатные», «ширинские» и «нагайского дела с наводом» (в 14 грамотах) и саадаки (в 10-ти случаях). Дважды отдельно называются луки, «ординские» и «крымские», один раз — колчан (с 71 стрелой⁴⁵). По два раза упоминаются копыя и рогатины, причем по одному разу отдельно: копыя принадлежали знатному служилому человеку, Д.Г. Плещееву, а 2 рогатины упоминаются в числе прочей «служобной рухляди» (вместе с 2-мя саблями, 2-мя седлами сафьянными, 2-мя — выючными и 6-ю «служобными» сумами) в завещании неизвестного небогатого сына боярского. Князь Мезецкой среди прочего оружия, завещаемого своему племяннику князю Ю.И. Мезецкому, упоминает два копыя и рогатину⁴⁶. Огнестрельного оружия в перечнях имущества нет, если не считать упоминания о 2-х «пищалих звериных» (одна из них оценена была в 2 руб.) в завещании Оболенского⁴⁷. Явно здесь речь идет не о боевом, а об охотничьем оружии. Стоимость оружия указывается редко. Лук «ординской» был оценен в 1 руб., а сабля «черкасская с наводом» стоила около 4—5 рублей⁴⁸.

Таким образом, изучение материалов духовных грамот позволяют представить примерный облик московского служилого человека конца XV — первой половины XVI века. Облаченный в шелом и пансырь и вооруженный саблей и саадаком, сын боярский выступал в поход, восседая на коне и окруженный 2—3, а то и более послужильцами на конях и мерилах, оснащенных примерно также, как и их господин. 1—2 кошовых человека присматривали в обозе-«кошу» за имуществом служилого человека, которое включало в себя запасных и выючных коней и меринов, его платье (кафтаны, однорядки, шапки, колпаки, шубы и пр.), всевозможную посуду (сковороды, тазы, котлы, блюда, солоницы, перечницы, уксусницы и прочее), ковры, выючные седла и переметные сумы, «кожицы покровечные», войлоки, «шетьер» и т.д. И если посчитать стоимость «оружности, сбруйности и конности» служилого человека и включить в полученную сумму цену платья, то получится, что в походе сын боярский средней руки в первой половине XVI в. имел только на себе и с собой «рухляди» и доспеху вместе с «коньми» никак не меньше, чем на 30—40 руб., а небогатый — 15—20 рублей⁴⁹. И это не считая коней и того имущества, что было на его послужильцах и в «кошу».

Много это или мало? Попытаемся представить хотя бы в первом приближении размеры доходов Василия Есипова от ведения хозяйства. В его владениях было 664 дес. пашни (432 четв. в одном поле — то есть под яровой и озимой запашкой около 870 четв.)⁵⁰. Известно, что монастырская пашня в Волоцком уезде в конце XVI в. давала урожай в среднем сам-2,8 ржи, овса около сам-1,7 и пшеницы — не более сам-1,7⁵¹. Вряд ли урожайность 60-ю годами раньше была намного лучше. Распределение посевов зерновых составляло примерно 10 % на пшеницу и от остатка примерно поровну на рожь и овес⁵². При отмеченных выше нормах урожайности и распределении посевов зерновых в хороший год Есипов мог рассчитывать примерно на 4400

пудов ржи, 3500 пудов овса и около 600 пудов пшеницы. Итого хлебный бюджет вотчинника составлял в хороший год порядка 8500 пудов зерна.

Теперь рассчитаем примерные расходы. Можно предположить (исходя из текста духовной), что семья самого Василия Есипова насчитывала 3 человека (он, его жена и дочь). К ним необходимо добавить как минимум 5 послужильцев с их семьями (то есть еще 15 чел.). Кроме того, в расчет нужно также взять и число крестьян, проживавших в вотчине. В 1562 г. в перешедшей во владение Иосифо-Волоцкого монастыря есиповской вотчине насчитывалось 67 крестьянских дворов, потому можно предположить, что 35-ю годами ранее дворов было около 60. При средней численности крестьянской семьи в то время 5—6 человек на двор⁵³, в вотчине могло проживать около 300 крестьян. При годовой норме потребления зерна 24 пуда на человека⁵⁴ на питание всех, проживающих в вотчине, уйдет минимум 7600 пудов зерна. Еще примерно 800 пудов овса уйдет на фураж для господских коней⁵⁵. Итого расходы составят около 8400 пудов зерна. Остаток — около 100 пудов зерна. В «хороший» год, когда зерно было дорого (как, к примеру, в 1543 г., когда четверть ржи в Пскове стоила 30 денег; в 1560 г. четверть ржи стоила 16 денег⁵⁶, а в начале 80-х гг. XVI в., согласно приходно-расходным книгам Соловецкого монастыря, четверть ржи стоила от 10 алтын 2 денег до 12 алтын⁵⁷) вотчинник мог рассчитывать на 4 — 7,5 руб. чистого дохода.

Приводимые Воробьевым данные о доходности поместий и вотчин новгородских служилых людей в начале XVI в.⁵⁸, на наш взгляд, представляются существенно завышенными. Они не совпадают с имеющимися расчетами доходности тех же новгородских крестьян. При уровне доходов 1 руб. с крестьянского двора тот же Василий Есипов получал бы, к примеру, до 60 руб. ежегодно. В таком случае он мог бы, по меньшей мере раз в два-три года, полностью обновлять комплекты доспехов и оружия как свой, так и своих людей, и регулярно производить конский ремонт. Мы же имеем совершенно иную картину, когда сын боярский бережно относится к своему имуществу, подробнейшим образом расписывает, что у него есть и что ему с кого взять, боясь утратить или забыть что-либо — даже «шапку горлонату поношону» или «морхи червчатые поношены»⁵⁹. Более того, небогатый сын боярский вынужден делить единственный комплект доспехов, давая из своих сыновей пансырь, а другому шолом и наручи «с ымянем»⁶⁰, и вряд ли это было вызвано тем, что его «сбруя» представляла какую-то особенную ценность (как писал Василий Карамышев, завещая «крест золот с мощми со яхонты» своему сыну Афанасию, «...не истерял его, занеж дорог добре. И иные кресты есть, да не таковы уж меры ценны, как ту. А токие старины вам не дожити, — от отцов и от дедов нам дано...»⁶¹). Теряла также всякий смысл и выплата государственного жалованья за выставленных послужильцев. Что такое 2 или даже 5 руб. за каждого человека, если сын боярский получал бы со своих крестьян много, много больше.

Полученная нами цифра, конечно, является приблизительной, но она позволяет представить, с учетом цен на коней, доспех и оружие, насколько «критическим» было соотношение доходов-расходов служилого человека того времени. При таком раскладе становится ясным и стремление служилых людей, невзирая ни на какие угрозы со стороны начальных людей и самого государя, разжиться на войне полоном и всякими «животишками», и их бережное отношение к своей «рухлядишке». В самом деле, потеря даже обычной однорядки ценой в 1 руб. могла проделать в его бюджете существенную дыру. Что уж тогда говорить о неудачной кампании, когда сын боярский, отправляясь по шерсть, возвращался домой стриженным. Потеря коней, платья, оружия, доспехов и всякой прочей «рухляди» моментально обращала его в нищего, и чтобы снарядиться в новый поход, он был вынужден залазить в долги⁶²,

закладывая и перезакладывая движимость и недвижимость, чем успешно пользовались, к примеру, те же самые монастыри. В свете этого становится понятной отмеченная А.И. Филошкиным разочарованность князя А.М. Курбского в военной службе, наступившая у него в начале 60-х гг. XVI века. Действительно — война затягивалась, расходы на несение царевой службы росли, шансы сложить голову становились все больше и больше, а возможностей для захвата трофеев — все меньше и меньше. Ну как тут не разочароваться в военной карьере, тем более что и царь спрашивал с воевод за упущения по службе все строже и строже⁶³.

Такими представляются результаты прочтения духовных грамот московских служилых людей конца XV — 60-х гг. XVI века. Они дополняют и уточняют сведения, сообщаемые иностранными очевидцами и немногими сохранившимися материалами разрядной и иной документации о «конности, людности и оружности» дворян и детей боярских того времени.

Примечания

1. МИХАЙЛОВА И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб. 2003, с. 5.
2. Акты служилых землевладельцев (АСЗ). Т. II. М. 1998, с. 4.
3. См., напр.: АНДРЕЕВ И.Л. О бедном дворянстве замолвите слово... — Родина. 1997, № 9, с. 37—43; ВОРОБЬЕВ М.В. Псковский и Пусторжевский «служилые города» по материалам смотра военных сил России в 1621 г. В кн.: Псков в Российской и европейской истории (к 110-летию первого летописного упоминания). Т. I. М. 2003, с. 326—333; КОЗЛЯКОВ В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль. 2000; ЧЕРНОВ С.З. Волост Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М. 1998; и др.
4. МИХАЙЛОВА И.Б. Ук. соч., с. 30.
5. СОЛОУСОВ А.С. Русская поместная конница (XV—XVII вв.) — *Para Bellum*. 2002, № 14, с. 101—106.
6. См., напр.: ВОРОБЬЕВ В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых. В кн.: Дом Романовых в истории России. СПб. 1995, с. 93—108; МАЛОВ А. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной (на материале Великих Лук). — *Цейхгауз*. 2002, № 2 (18), с. 12—15; ФАТЕЕВ Д.М. Боеготовность приокских служилых городов по результатам смотра 1621/22 гг. — *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 18—20 ноября 2003. Великий Новгород. 2003*, с. 123—127.
7. Даже в ставшей классической статье М.М. Денисовой в качестве основного источника для освещения «конности, людности и оружности» привлекаются в основном материалы десятилетия, почему и период до середины XVI в. практически не затрагивается. См.: ДЕНИСОВА М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. — *Труды ГИМ*. М. 1948. Т. 20, с. 29—44. На те же источники опирался и Д.М. Фатеев: ФАТЕЕВ Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556—79 гг. — *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. I. Великий Новгород. 2002*, с. 147—154.
8. Последняя публикация см.: АНТОНОВ А.В. «Боярская книга» 1556/1557 года. — *Русский дипломатический (РД)*. Вып. 10. М. 2004, с. 80—118.
9. АНДРЕЕВ В.Ф. Новгородские духовные XII—XV вв. — *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XIII. Л. 1982, с. 134.
10. ЧЕРЕПНИЦ Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Т. 2. М. 1951, с. 70.
11. «В целом духовные грамоты являются важным источником по истории социально-экономических отношений...» (там же, с. 74). Именно это обстоятельство Л.В. Черепнин выделял как главное, основное достоинство средневековых русских духовных. Все же остальные аспекты были второстепенны. Показательна в этом отношении его характеристика содержания духовных, изложенная им в сборнике документов «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.». Больше двух страниц убористого текста посвящены анализу именно социально-экономической составляющей и всего лишь вскользь сказано о том, что «...духовные грамоты являются источником и по изучению быта класса феодалов...» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М. 1952, с. 641—643).

12. Акты Русского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. (АРГ. АММС). М. 1998, с. 453—457; КОШЕЛЕВА О.Е. Духовная Тимофея Бусурменова второй четверти XVI века. — РД. Вып. 7. М. 2001, с. 251—257; СЕМЕНЧЕНКО Г.В. Начальная часть духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — Источниковедение отечественной истории. Сб. статей 1989. М. 1989, с. 226—238.
13. См., напр.: СМЕРНОВ Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI — первой половине XVII вв. В кн.: Исследования по истории средневековой Руси. М.-СПб. 2006, с. 368—382; ФАТЕЕВ Д.М. Приокские служилые города в 1550-х и 70-х гг. (готовность к дальней полковой конной службе). — Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. 1. Великий Новгород. 2002, с. 124—129.
14. Касался этого вопроса лишь А.В. Малов, сделавший в октябре 2005 г. доклад «Служилая рухлядь» московских землевладельцев в XV — первой половине XVII вв. (по духовным и рядным грамотам) на заседании Военно-археологического семинара при ГИМе и О.А. Федоров отчасти использовал материалы духовных грамот при реконструкции внешнего облика московского всадника первой половины XVI в. (ФЕДОРОВ О.А. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина — середина XVI в.) — Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М. 2009, с. 228—230).
15. КОБРИН В.Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. — Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М. 1973, с. 171.
16. Акты феодального землевладения и хозяйства (АФЗХ). Т. II. М. 1956, с. 41, 87.
17. Применительно к XVI в. этот вопрос затрагивался М.В. Воробьевым (См.: ВОРОБЬЕВ М.В. Боевые лошади русской кавалерии XVI—XVII вв. (мифы и реальность). — Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. 1. Великий Новгород. 2002, с. 155—160).
18. ВОРОБЬЕВ В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность»..., с. 96.
19. См.: Акты Русского государства 1505—1526 гг. (АРГ). М. 1975, с. 8, 174—175, 198, 253—254; Акты русских монастырей. Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506—1608 гг. (АСЕМ). М. 1998, с. 87; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. (АТКМ). М.-СПб. 2007, с. 139; АФЗХ. Т. II, с. 91—92, 164, 169—170, 184, 204, 208—209, 230, 270, 278; Акты Московского Симонова монастыря. Л. 1983, с. 41; РД. Вып. VII. М. 2001, с. 57, 61.
20. АФЗХ. Т. II, с. 164—165.
21. АРГ, с. 207; ЧЕРКАСОВА М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII вв. М. 2004, с. 340; ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 88.
22. В своей духовной К. Лапшин упоминает лишь кобылу и мерина, владея при этом деревней Косилково и четвертью села Хилинова (1 выть — примерно 14 дес. или 28 четвертей земли. См.: АФЗХ. Т. II, с. 204, 429). Д. Мордвинов в духовной писал, что он владеет в качестве вотчины деревней Куредьяво, а из лошадей у него «мерин бур стар, да мерин втемне бур, да мерин ворон, да кобыла голуба...» (АРГ, с. 262).
23. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московских делах. — В кн.: Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск. 2002, с. 206.
24. АРГ, с. 254; АСЕМ, с. 222; АТКМ, с. 59; АФЗХ. Т. II, с. 165, 171, 205, 285.
25. АРГ, с. 199.
26. См., напр., требования великого князя литовского к «оружности» выставленного землевладельцами конного воина: Литовская метрика. Переписи войска литовского. — Русская историческая библиотека. Т. XXXIII. Пг. 1915, стб. 7.
27. АФЗХ. Т. II, с. 285.
28. АСЗ. Т. I. М. 1997, с. 266; АТКМ, с. 59.
29. АТКМ, с. 59; АФЗХ. Т. II, с. 205.
30. Текст духовной см.: АФЗХ. Т. II, с. 91—93.
31. ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 88.
32. МИХАЙЛОВА И.Б. Ук. соч., с. 63. Правда, далее она согласилась с общим выводом Чернова о том, что реформа Ивана Грозного проводилась с учетом давно сложившихся традиций, а также с его мнением относительно количества всадников, выставлявшихся волоцкими служилыми людьми (там же, с. 64—65).
33. О дефицитности хлебного бюджета крестьянского хозяйства Северо-Запада России см., напр.: СТЕПАНОВА Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV—XVI столетий (уровень развития хозяйства). М. 2004, с. 101—108, 116—119. В целом есть все основания согласиться с мнением Л.В. Милова, который отмечал, что «...в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской империи, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, — это многовековая борьба за выживание...» (МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2001, с. 17).

34. АФЗиХ. Т. II, с. 213. Ср. духовную грамоту Григория Жукова-Оплечуева (там же, с. 151).
35. АФЗиХ. Т. II, с. 213. Ср. схожее распоряжение в духовной грамоте Марфы Еропкиной (там же, с. 120) или Василия Внукова-Пушкина («А людем моим: Якиму Кузьмину сыну мерин саврас с седлом и с уздою; да Нечайку Хромому мерин, которой будет пригожо...»; там же, с. 270). В другом случае Д.Г. Плещеев в своей духовной писал: «А что мои люди полные и докладные и кабалыные, и те мои люди все на слободу, хто в чем ходил в платье; а лошдей им не давати...» (там же, с. 281. Ср. распоряжение вдовы князя Ф.И. Стриги-Оболенского: «А люди мои служивые и деловые и з женами, и з детми все на слободу со всем, что у них ни есть, кони и платья; а скотом бы моим рогатым пожаловали после моего живота мои приказчики их поделали, каму будет что пригоже дати...». См.: АРГ, с. 110). И еще два аналогичных примера: В.П. Кутузов писал в завещании: «А что мои люди полные и докладные и кобалыные, — и те люди все на слободу. А что у них моего дапья, платья и саодаки, и сабли, и седла, то у них готово. Да приказчики мои ж дадут человеку моему Андрюше конь с седлом и с уздою, да тегилай, да шолом...» (АФЗиХ. Т. II, с. 292); а князь М.В. Горбатый приказывал: «А что платья и доспеху у людей моих, и приказчики мои тот доспех и платье отдадут людем моим. А на которых копех ездили люди мои, и приказчики мои те им копи роздадут...» (АССЕМ, с. 92).
36. АФЗиХ. Т. II, с. 18. Ср. распоряжение М.И. Левашова (1545 г.): «А что моего животу доспеху и служебной и домашние рухледи всякой оловяной, и меденой, и железной, и лошдей и скотины, и что моего взимка по кабалам и бескобално денег и хлеба — и то все жене моей на прожиток...» (там же, с. 184).
37. АРГ, с. 199.
38. Памятники истории Восточной Европы. Т. III. М.-Варшава. 1998, с. 28. Примечательно, что примерно такое же соотношение следует из духовной князя И.В. Ромодановского, завещавшего своему «братеничу Ивану Юрьеву сыну» «пять коней, да четыре седла, да два саадака, да две сабли» (АРГ. АММС, с. 128). Весьма примечательное соотношение — два полных комплекта оружия и по два коня с седлами на каждый. Схожий случай см. в завещании К.А. Ершевского (АССЕМ, с. 382).
39. ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 308—309, 314—315, 319—320.
40. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 206—207.
41. См., напр., завещание С.Д. Пешкова Сабурова (РД. Вып. VII. М. 2001, с. 65), завещавшего своим племянникам именно по коню, шолому и пансырю.
42. Имелось так можно истолковать указание С.Д. Пешкова-Сабурова своим душеприказчикам передать А. Жулебину шолом, пансырь и тегилай (РД. Вып. VII. М. 2001, с. 65, 66). Любопытно, что существование практики пошения дорогого тегилая поверх металлического доспеха подтверждает «Боярская книга» 1556/1557 гг. (РД. Вып. X. М. 2004, с. 84).
43. Судя по тому, как часто встречаются в духовных элементы доспеха, изготовленные восточными мастерами, причем не только у богатых и знатных служилых людей, но и у дворян и детей боярских средней руки, трудно согласиться с мнением М.В. Фехнера о «второстепенности» русского оружейного импорта в XVI в. (ФЕХНЕР М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М. 1956, с. 92).
44. См.: АРГ, с. 61, 199, 254; АССЕМ, с. 220; АФЗиХ. Т. II, с. 170, 208, 209, 270, 290, 391.
45. Число стрел в колчане необычно и представляется чрезмерным. Для сравнения, в 1469 г. Иван III послал устюжанам в качестве своего жалованья 3 сотни луков и с ними 6 тыс. стрел — то есть по 20 стрел на лук (ПСРЛ. Т. XXXVI. Л. 1982, с. 92).
46. АССЕМ, с. 222; АФЗиХ. Т. II, с. 231, 280.
47. Там же, с. 207—208.
48. АТКМ, с. 59; АФЗиХ. Т. II, с. 170; ФЕХНЕР М.В. Ук. соч., с. 92.
49. Для примера, в 1571 г. некий сын боярский жаловался, что у него «литовские люди» забрали коня, 4 меринов, пансырь, шолом и шапку — всего на 56 руб., у другого забрали 2 коней, мерина, кобылу, 2 седла обычных и 2 вьючных, однопорядку, кафтан, саадак и саблю — всего на 28 руб., у третьего — 2 коней, 2 меринов, 3 саадака, 3 сабли, 3 кафтана, 2 однопорядки, армяк — всего на 35 руб. (Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580. М.-Варшава. 1998, с. 28—30). Примечательно, что и здесь довольно четко прослеживается зависимость между числом полных комплектов вооружения и послужилцев, что были убиты или пленены литовцами.
50. См.: АФЗиХ. Т. II, с. 303; ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 88.
51. ГОРСКАЯ Н.А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI — начале XVII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига. 1963, с. 162—163.
52. См., напр.: МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 42. Схожие нормы получаются, если взять за основы размеры выдачи зерна из вотчины Есипова его сестре. См.: АФЗиХ. Т. II, с. 93. Ср. требо-

вание З.Ф. Катунина к наследникам выдавать ежегодно вдове по 20 четвертей ржи и овса и 4 четверти пшеницы (АРГ, с. 175).

53. См., напр.: СТЕПАНОВА Л.Г. Ук. соч., с. 83, 116.
54. При этом необходимо учитывать, что из своего хлебного бюджета крестьянин должен был расходовать часть зерна на подкормку скота. См.: МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 387—388.
55. 24 коня, в т.ч. аргамак и 2 иноходца, которые получали лучшее питание. См.: АФЗиХ. Т. II, с. 91—92; МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 228—233.
56. ПСРЛ. Т.V. Вып. 2. М. 2000, с. 230, 240.
57. КИСТЕРЕВ С.Н. Приходно-расходная книга вологодской службы Соловецкого монастыря 1583—1585 гг. — Очерки феодальной России. Вып. II. М.-СПб. 2007, с. 342.
58. ВОРОБЬЕВ В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) В кн.: Исторический опыт русского народа и современность. СПб. 1994, с. 89—90.
59. АРГ, с. 199, 254.
60. Там же, с. 175—176.
61. АФЗиХ. Т. II, с. 348.
62. Так, тот же Василий Есипов по завещанию хотел вернуть около 70 руб., тогда как ему должны были примерно 40 руб., а Григорий Валуев — соответственно около 36 и 32 руб. (Подсчитано по: АФЗиХ. Т. II, с. 91—92; 169—170).
63. ФИЛЮШКИН А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб. 2007, с. 37.